

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Древне-русское церковное пѣніе есть, несомнѣнно, одно изъ глубочайшихъ произведеній нашего народнаго творчества. Разсматриваемое съ внутренней и внѣшней сторонъ и изучаемое въ предѣлахъ и средствахъ его изложенія, древне-русское церковное пѣніе представляетъ поучительную картину глубокаго музыкальнаго содержанія, освѣщающую народное творчество въ самомъ задушевномъ и серьезномъ его вдохновеніи,—вдохновеніи религіозномъ. Внутренняя сторона этого пѣнія—его напѣвы, созданные давно, пропѣтые милліонами пѣвцовъ; эти пѣвцы, между которыми были и таланты, и гениі, постепенно вырабатывали напѣвы сообразно русскому чувству и, наконецъ, изложили ихъ въ тѣхъ формахъ, которыя недоступны твореніямъ отдѣльныхъ людей, хотя бы и гениевъ, но которыя присущи произведеніямъ народнаго творчества. Внутреннія качества такихъ формъ суть несравненная красота, точность, своеобразный складъ изложенія и умъ этихъ произведеній. Внѣшняя сторона древне-русскаго церковнаго пѣнія есть его своеобразная знаменная нотация, безъ знанія которой частности построенія и исполненія этого пѣнія почти недоступны. Знаменная нотация, выработанная исключительно для русскаго церковнаго пѣнія, объясняетъ его вполне, точно, строго. Какъ она непригодна для всякаго иного пѣнія, такъ и всякая другая нотация недостаточна для изложенія древне-русскаго церковнаго пѣнія.

Изученіе древне-русскаго церковнаго пѣнія въ предѣлахъ и средствахъ его содержанія вводитъ насъ въ исторію этого предмета. Объемъ церковнаго пѣвческаго обихода съ давнихъ поръ и непрерывно увеличивается какъ развитіемъ своихъ частныхъ, такъ и новыми дополненіями. Поэтому предѣлы церковнаго пѣнія въ Россіи повременно объясняются развитіемъ внутреннихъ частныхъ Богослуженія и составленіемъ, по мѣрѣ возникновенія святыхъ, новыхъ службъ и иногда еще дополнительныхъ къ прежде бывшимъ службамъ пѣснощѣній. Разсмотрѣніе же художественныхъ сторонъ древняго русскаго церковнаго пѣнія приводитъ къ указанію измѣненій формъ языка, къ изученію системы знаменъ и ея изложенія и усовершенствованія въ разные вѣка, къ изученію формъ музыкальныхъ мыслей и, наконецъ, къ освѣщенію этихъ данныхъ смысломъ современныхъ имъ историческихъ событій и уровня умственнаго развитія.

Филологи, тщательно сопоставляющіе образы произведеній народнаго творчества, отгѣнки ихъ рѣчи, возстановляютъ намъ міросозерцаніе роднаго племени и тѣмъ укрѣпляютъ самосознаніе каждаго человѣка, разумно любящаго свою родину. Музыканты, пѣвцы, имѣя дѣло съ нѣжнѣйшими и наиболѣе глубокими въ звукахъ выраженіями роднаго духа, еще яснѣе и неотразимѣе утверждаютъ это самосознаніе.

Д. С. Бортнянскій, еще болѣе полвѣка назадъ, предлагалъ сдѣлать печатное крюковыми нотами изданіе древне-русскаго церковнаго пѣнія, доказывая необходимость такого изданія какъ внутренними достоинствами этого пѣнія, такъ и разсужденіемъ о пользѣ для церквей православныхъ и старообрядческихъ. Превосходный проэктъ Бортнянскаго, ¹⁾ снабженный многими глубокими мыслями и научными соображеніями, указываетъ между прочими пунктами слѣдующія благія ожиданія, (л. 18, 19), „въ отношеніи къ благосостоянію всѣхъ великороссійскихъ церквей“:

1) „Древнее пѣніе, бывъ объяснено, параллельнымъ сравненіемъ крюковъ съ новѣйшими нотами истолковано, послужило бы дополненіемъ церковной исторіи, въ которой, какъ важнѣйшая часть церковнаго чинослуженія, представляло бы систему не менѣе занимательную“.

2) „Древнее крюковое пѣніе, бывъ оригиналомъ древняго національнаго церковнаго пѣнія, послужило бы дополненіемъ всего ново-нотнаго великороссійскихъ церквей пѣнія; тогда всякой прилежный и занимательный пѣвецъ, имѣя предъ собою полную, истолкованную древнюю систему, *приблѣгалъ бы къ ней какъ къ источнику, почерпалъ бы въ ней полезное и лучшее, и сообразное дарованіямъ своимъ из того дѣлалъ бы употребленіе*“.

3) „Прекращены были бы сіи нелѣпыя и самовольныя церковнаго пѣнія переправы, исказившія и мелодію онаго и степенный ходъ ея. Тогда бы можно было имѣть полный и утвержденный переводъ, сообразный съ слоудоудареніемъ языка и даже можно бы было имѣть переводъ пѣнія сего, расположенный въ мѣру, не разрушая мелодіи онаго, *а сіе самое было бы самымъ прочнымъ основаніемъ контрапункта отечественнаго*“.

4) „Объясненная крюковая система была бы средствомъ составить по ней полную и подробную азбуку для всего церковнаго пѣнія, *которая была бы самымъ лучшимъ способомъ познать подробнѣе свойство діатоническаго рода, въ каковомъ идетъ все церковное пѣніе, противуположно новѣйшей музыкальной системѣ*“.

5) „Древнее пѣніе, бывъ неисчерпаемымъ источникомъ для образуемаго новѣйшаго пѣнія, имѣло бы равную участь съ древнимъ славяно-россійскимъ языкомъ,

¹⁾ Этотъ проэктъ не получилъ въ свое время ни малѣйшаго движенія и былъ совсѣмъ забытъ, несмотря на большую извѣстность и вліятельность автора. Какъ весьма интересный документъ, онъ напечатанъ въ приложеніи къ протоколу 25 апрѣля 1878 г. Общества Любителей Др. Письменности, (Спб. 1878). А. Мезенецъ также говоритъ о печатаніи крюковыхъ пѣвчихъ книгъ. Интересныя свѣдѣнія о приготовительныхъ работахъ по этому дѣлу въ Синодальной типографіи собраны въ статьѣ «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ» П. А. Безсонова, («Правосл. Обозрѣніе» за 1864 г. т. XIV л. 27, 92—130). Нынѣ высокопочтенный о. Д. В. Разумовскій изготвилъ пунсоны и матрицы для крюковъ, печатаетъ ими въ своихъ изданіяхъ, но еще не сообщилъ по сему своихъ техническихъ наблюденій; шрифты крюковые въ изданіяхъ о. Разумовскаго есть и крупныя и мелкія; печатаетъ онъ ихъ съ помѣтами, такъ что опасеніе Мезенца о невозможности печатанія крюковъ и между ними кинюварныхъ помѣтъ нынѣ исполнѣ можетъ быть устранено. Кстаті сказать, греческія знамена немного проще древне-русскихъ крюковъ; однако греки ухитрились доіти до всеобщаго употребленія только печатныхъ знаменныхъ пѣвчихъ книгъ. Болгарскія пѣвчія знаменныя книги также печатаются какъ и греческія. Сербскія и Армянскія—также печатаются.

который породилъ собственную гармонно-звучную поэзію; а древнее пѣніе возродило бы подавленный терніемъ отечественный гений и отъ возрожденія его явился бы свой собственный музыкальный міръ“....

6) „Тогда пѣніе древнее, разсмотрѣнное во всей обширности и разнообразіи родовъ онаго, снабдило бы великороссійскія церьви *мѣрнымъ и полнымъ контрапунктомъ*, произведеніе коего было бы удобовозможно и въ мало-дѣйствительныхъ церквахъ; тогда и вкусъ самый произведенья въ производителяхъ сблизался бы съ познаніемъ изящнаго, какое только можетъ быть допущено въ чинислуженіи церковномъ“.

7) „Отпечатаніе крюковаго пѣнія во всѣхъ старообрядческихъ церквахъ было бы самымъ надежнѣйшимъ средствомъ единства пѣнія и во всѣхъ великороссійскихъ церквахъ. Открытая сущность родовъ пѣнія, различіе ихъ, разнообразіе напѣвовъ, утвержденныхъ вѣками, и въ сердцѣ даже непросвѣщенной черни производящихъ чувствованія древнихъ временъ, утверждаютъ сію возможность. Съ другой стороны оное отпечатаніе было бы первоначальнымъ основаніемъ единомыслія о достоинствѣ національнаго церковнаго пѣнія“.

Столь глубокія мысли и провидѣніе, да еще болѣе полвѣка тому назадъ, конечно, могли явиться только у человѣка весьма просвѣщеннаго. Остальныя части проэкта Бортнянскаго даютъ также немало цѣнныхъ указаній. Очевидно, что авторъ ихъ глубоко цѣнилъ и понималъ древнее церковное пѣніе, теоретическія его основанія и знаменную нотацию. Общій смыслъ „проэкта“ и изложеніе его частныхъ ясно показываютъ какую цѣну придавалъ Бортнянскій именно знаменному, а не нотному изложенію въ предполагаемомъ имъ изданіи Круга древне-русскаго церковнаго пѣнія. Недостатки нотныхъ переводовъ, по словамъ Бортнянскаго, достаточно доказываются тѣмъ, что хотя ноты „явственнѣе представляютъ обращеніе мелодіи и движеніе напѣвовъ, и способствуютъ ученику въ скорѣйшемъ ихъ изученіи, но можно сказать и вопреки тому: выучить напѣвы не трудно ученику даже въ полгода, но различія гласовъ, напѣвовъ и мѣста мелодіи долго не познаетъ.... едвали хорошіе знатоки, (т. е. по нотамъ), просольбуютъ что нибудь изъ церковнаго пѣнія, а если и сдѣлаютъ это исправно, то механически только. Итакъ явственность новѣйшихъ нотъ имѣетъ еще и невыгоды свои“. „Древнія ноты, т. е. крюки, положеніемъ своимъ и фигурою безъ всякой двусмыслительности назначаютъ настоящее мѣсто мелодіи“. „Впрочемъ сколь ни трудна таковая система нотъ, однако чрезвычайно полезна знатоку оной“.— „По моему мнѣнію всякая система нотъ достойна вниманія и одобренія, коль скоро заключаетъ въ себѣ остро изобрѣтенный планъ и методу. Конечно, въ нынѣшнемъ вѣкѣ не уважается всякая іероглифическая система, но сіе неуваженіе есть только слѣдствіе того, что все для насъ глушо то, что не понимаемъ“.— Крюковая система „извѣстна въ нашемъ отечествѣ болѣе семи столѣтій. И семь вѣковъ была почтена и удобопонятна; за древность свою заслуживаетъ ли презрѣнія и забвенія, которыя приближаютъ ее къ паденію и, можетъ быть, черезъ полстолѣтія должна уничтоженіемъ своимъ постыдить наши отечественныя историческія памятники....¹⁾ Сія древняя система, бывъ оригиналомъ и первородною музою

¹⁾ Примѣчаніе Бортнянскаго указываетъ здѣсь подъ строкою, что отъ безпорядка внесеннаго переписчиками въ крюковое пѣніе хотя и будетъ, можетъ быть, облегчена и ново-

всего національнаго церковнаго пѣнія, за трудность знать ее, заслуживаетъ ли то пренебреженіе, съ каковымъ разсѣянный путешественникъ идетъ вдаль пить мутную воду, презирая предъ собою текущій чистый и прозрачный источникъ? — „Находя древнюю систему крюковаго пѣнія достойною вниманія и одобренія, я почитаю оную за такой оригиналъ, съ коего во всѣхъ великороссійскихъ церквахъ приняты одни только переводы ¹⁾“. Способъ же, который примѣчается во всей опой системѣ, достоинъ того, чтобы объ немъ была извѣщена и публика и въ особенности весь ученый свѣтъ, который въ странахъ древняго міра собираетъ идеи для новаго. Сей способъ достоинъ замѣчанія еще и потому, что лучше означаетъ характеръ древняго славянороссійскаго народа“.

Эти взгляды Бортнянскаго какъ нельзя лучше уясняютъ цѣли подлежащаго изданія „Азбуки знаменнаго пѣнія Александра Мезенца“. Мезенецъ, конечно, не могъ подобно Бортнянскому, высказать сужденій и предположеній научно обоснованныхъ, ибо время, обстоятельства и состояніе церковнаго пѣнія были совсѣмъ другія; но сущность дѣла, — уясненіе крюковой системы, всяческое сопротивленіе нововводимой тогда пятилинейной нотной системѣ, наилучшее исправленіе церковныхъ напѣвовъ и ихъ отпечатаніе указываетъ на Азбуку Мезенца какъ на одно изъ важнѣйшихъ сочиненій бурной эпохи XVII вѣка. Мезенецъ не ратуетъ за застои, упрямое держаніе старины, но указываетъ цѣлесообразность и исключительную пригодность знаменъ для русскаго церковнаго пѣнія, протестуя противъ „круподушествующихъ и блязнящихся“ порицателей крюковъ и вводителей пятилинейныхъ нотъ, указывая имъ на ихъ „невѣдѣніе и недоумѣніе“ (л. 22), ибо оно „отъ неискуства, сирѣчь отъ ненаученія и крайняго невѣждества бываетъ“ (л. 7). Трудъ Мезенца есть лучшее до сихъ поръ руководство, изъясняющее систему знаменъ. Его идея „признаковъ“ и система знаменъ вполне приняты старообрядцами, несмотря на ея „новшество“, да еще послѣ собора 1666-7 года, хотя самое имя Мезенца предано забвенію.

Съ другой стороны пишущій эти строки вполне убѣжденъ въ невозможности возникновенія „собственнаго музыкальнаго міра“ и правильной разработки „отече-

устроена крюковая система», но «древняя во мракѣ уничтоженія сокроетъ и себя, и отечественное изъясненіе».

¹⁾ О достоинствахъ этихъ переводовъ съ крюковыхъ нотъ на пятилинейныя Бортнянскій выражается такъ: (л. 15) «Я болѣе 50 переводовъ сего рода имѣлъ въ рукахъ и не нашелъ ни одного сходственнаго съ оригиналами, т. е. съ рукописями крюковыми». Указывая причины этого явленія въ невѣжествѣ переводчиковъ, Бортнянскій однако не уясняетъ несродности нотъ со знаменами и негодности первыхъ для точнаго и удобнаго изложенія напѣвовъ, но замѣчаетъ весьма основательно, что «едвали въ переводахъ сыщется нота *ла*, предѣльная верхней тетрафорды», (т. е. *в*, соответствующая верхнему *ре*); между тѣмъ какъ въ крюковомъ пѣніи въ приличныхъ мѣстахъ представляется она всегда. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что нотами невозможно передать частности знаменнаго пѣнія, такъ что встрѣчаемыя различія напѣвовъ между нотными переводами относятся только къ грубѣйшимъ изъраженіямъ мелодій, а никакъ не къ тому своеобразному характеру знаменнаго пѣнія, особенности котораго никакимъ нотнымъ письмомъ кромѣ крюковъ не передаваемы, ибо квадратно-ритмическое движеніе и вообще размѣрное на 2 и 3 есть только наименѣе встрѣчаемое въ древне-русскихъ напѣвахъ.

ственного контрапункта“, (см. выше §§ проекта), безъ научнаго изслѣдованія русскаго церковнаго пѣнія и знанія основаній этого пѣнія именно въ крюковой нотаци, указывающей въ напѣвахъ, по словамъ Мезенца, „всякую мѣру, силу, и всякую дробь и тонкость“, почему, „никакая же налѣжить о нотномъ знамени нужда“. Коренное отличіе русскихъ напѣвовъ состоитъ въ изумительномъ богатствѣ, свободѣ и разнообразіи ритма и въ совершенно своеобразномъ голосоведеніи. Несимметричность русскихъ напѣвовъ, кажущаяся какъ бы первобытною формою изложенія музыкальных мыслей, на самомъ дѣлѣ есть образцовое сложеніе самыхъ трудныхъ и запутанныхъ ритмовъ, приводимыхъ въ удивительно удобныхъ для пѣвца предложеніяхъ¹⁾.

Знаніе этихъ ритмовъ и ихъ сочетаній можетъ быть достигнуто только умѣнемъ пѣть по крюкамъ, ибо направленіе и сила ритмическихъ удареній, взаимная зависимость построенія частей напѣва указывается крюками вполне отчетливо.

Лады, въ которыхъ изложено это пѣніе, нынѣ раскрыты трудами высокопочтеннаго Ю. К. Арнольда. Голосоведеніе въ этихъ ладахъ и модуляціи не имѣютъ ничего общаго ни съ избитыми нынѣ формами, ни съ смѣлыми попытками людей, отбросившихъ чуждую рутину, но еще не обосновавшихся на истинно-русскихъ музыкальных началахъ. Голосоведеніе въ этихъ ладахъ, конечно, должно соответствовать русскому чувству и слуху, а также вытекать изъ мелодическихъ и ритмическихъ способностей данныхъ своеобразныхъ темъ, вызывающихъ и своеобразную же, но естественную ихъ разработку. Въ силу этихъ несомнѣнныхъ основаній вполне понятно будущее „отечественнаго контрапункта“ и предѣлы „собственнаго музыкальнаго міра“. Для этихъ будущихъ успѣховъ родного искусства особенно дороги древне-церковныя напѣвы: связь слова и звука въ произведеніяхъ народнаго творчества необыкновенно устойчива и руководительна въ главныхъ, подлинно-народныхъ мысляхъ какого либо произведенія; эта связь даетъ произведенію нерушимость и полную при ней свободу художественнаго развитія. Въ древне-церковныхъ напѣвахъ эта связь еще болѣе закрѣплена ихъ *затисью*, указывающею вполне точно основныя

¹⁾ Несимметричный ритмъ былъ впервые указанъ А. О. Львовымъ. Въ его сочиненіи «О свободномъ, или несимметричномъ ритмѣ», (Спб. 1858), на стр. 10, находимъ весьма выразительное замѣчаніе: «если не ошибаюсь, — просьба въ дѣсу сдѣлана: кто просѣкалъ ее, тотъ знаетъ чего ему это стоило; но жизни человѣка едва ли достанетъ, чтобы новую дорогу, уразнать, усыпать пескомъ, обсадить цвѣтами; если не найдется такого человѣка, который взялся бы за это, то просьба, естественно, заростетъ и за нее примутся лишь тогда только, когда нынѣ существующіе пути наскучатъ и будутъ оставлены».

Дальнѣйшія разработки ритма указаны въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Р. Вестфала, затѣмъ у г. Шафранова, (Журн. М. Н. Пр. 1878-79 г.); еще же болѣе въ разборѣ этого труда г. Фаминцынымъ, (см. Записки Имп. Академіи наукъ, томъ 39, книга 2).

См. также у Мельгунова: «Русскія пѣсни, записанныя со словъ народа», М. 1879, (мы не касаемся здѣсь отношенія къ этому автору его учителя Ю. К. Арнольда); см. два капитальныя труда Ю. Арнольда: «Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія» М. 1880, и «Гармонизація древне-русскаго п. пѣнія» М. 1886. Преннтересен е обобщеніе мыслей г. Мельгунова можно найти въ замѣткѣ С. Капустина: «Законы строя русской народной пѣсни и связь ихъ съ строемъ общинной жизни русскаго народа» въ Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. О—ва, томъ XX, 1884, вып. 2-й.

типы русской музыкальной мысли и множество способов свободной их разработки. Известная способность русского напѣва — вызывать у исполнителя одновременное сочиненіе подголосковъ, конечно, можетъ быть разумно воспитана, изучена и научно разработана только при изслѣдованіи подлинныхъ напѣвовъ и въ подлинномъ, записанномъ безусловно правильно ихъ изложеніи. Народное творчество не записанное, измѣняющееся по времени и мѣсту, напр. въ пѣсняхъ, не даетъ научнаго музыкальнаго матеріала въ такомъ объемѣ и съ такими достоинствами, какъ имѣющиеся превосходные крюковые экземпляры круга церковнаго пѣнія, особенно же принятаго нынѣ текста. Эти экземпляры, представляя послѣднее мелодическое развитіе подлинно-русскаго церковнаго пѣнія, послѣднее слово науки знаменнаго письма, должны дать изслѣдователямъ новыя данныя теоретическія и новыя данныя для свободнаго творчества. Если часть проекта Бортнянскаго уже осуществлена монументальнымъ и имѣющимъ свои цѣли изданіемъ Общества Л. Др. Письменности: „Кругъ церковнаго древняго знаменнаго пѣнія“ (№ LXXXIII, Спб. 1884-5), то нѣтъ никакихъ основаній отдалять исполненіе и другой части проекта, т. е. издать другой еще болѣе полный кругъ съ принятымъ нынѣ текстомъ и съ наилучшимъ знаменнымъ изложеніемъ.

Текстъ „Азбуки знаменнаго пѣнія“ Александра Мезенца напечатанъ съ рукописи, принадлежащей казанскому торговцу Л. В. Елкину. Этотъ текстъ былъ проверенъ мною по экземплярамъ Имп. Пуб. Б—ки (Q, XII, № 1; библиотеки гр. Толстого: II, № 116) и Румянцевскаго музея (Ундол. № 176 и № 1218); правописаніе текста изложено по рукописи г. Елкина. Параллельное изложеніе пѣвчихъ строкъ, имѣющееся въ прилагаемыхъ 14 таблицахъ, состоитъ изъ снимковъ и выписокъ, взятыхъ изъ разныхъ памятниковъ:

1) XII—XIII вѣка,—изъ ирмолога этого времени, а можетъ быть и древнѣе, принадлежащаго Воскресенскому, Новый Иерусалимъ именуемому, монастырю. Краткое описаніе этого ирмолога, (со снимками 39 ирмосовъ), было мною издано отдѣльно, (Казань, 1887 г.).

2) Конца XV вѣка,—изъ рукописи „Соловецкой“ библиотеки Казанской духовной академіи № 277, (кромѣ строки № 52, взятой изъ рукописи № 283, также конца XV вѣка). Описаніе этихъ памятниковъ, какъ и слѣдующаго № 292, будетъ мною издано въ скоромъ времени въ отдѣльномъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Описаніе знаменныхъ и потныхъ рукописей „Соловецкой“ библиотеки Казанской духовной академіи“. Въ этомъ описаніи указываемыя рукописи разсмотрѣны подъ №№ 1, 2 и 14.

3) Филартовскій текстъ,—изъ Соловецкой рукописи № 292.

4) Иосифовскій текстъ взятъ изъ превосходной рукописи, времени передъ соборомъ 1666—7 г., принадлежащей А. П. Богатенкову въ Казани. Изложеніе этого текста проверено по „Кругу“ изд. О. Л. Д. II; особенности и разночтенія этого текста указаны въ примѣчаніяхъ въ строкахъ.

Слѣдующія 3 графы въ таблицахъ заключаютъ въ себѣ продолженіе рукописи Азбуки А. Мезенца, состоящее изъ указаній и ссылокъ Мезенца на его Азбуку, 83-хъ строкъ изъ ирмосовъ и разводовъ ихъ знаменами же.

Двѣ послѣднія графы заключаютъ въ себѣ потный переводъ строкъ Мезенца и изложение тѣхъ же строкъ въ нотномъ Синодальномъ Ирмологѣ, по изданію 1862 года.

Биографическія данныя о А. Мезенцѣ весьма мало извѣстны. О. Д. В. Разумовскій нашелъ лишь въ дѣлахъ Московской Синодальной типографіи росписки всѣхъ членовъ 2-й комиссіи въ полученіи ими жалованія ¹⁾. Отсюда мы узнаемъ, что то были: 1) Чудова монастыря старецъ *Александръ Печерскій*, 2) Саввина Звенигородскаго монастыря старецъ *Александръ Мезенецъ*, 3) Патріаршій пѣвчій дякъ *Теодоръ Константиновъ*, 4) Ярославскій діаконь *Кондратій Иларіоновъ*, 5) церковный дячекъ *Григорій Носъ* и 6) церковный дячекъ *Ваддей Никитинъ* изъ Усоля. Имена 14 дидакаловъ 1-й комиссіи не дошли до насъ. Про Мезенца извѣстно еще, что онъ былъ пѣвчимъ справщикомъ въ Московской Синодальной типографіи. „Азбука знаменнаго пѣнія“, или какъ ее иногда называютъ: „извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ“, есть, вѣроятно, трудъ всей комиссіи, редактированный однако Мезенцомъ, ибо въ заключительномъ акростихѣ читаемъ: „трудился Александръ Мезенецъ и прочіи“.

Знаменная нотация, присущая древне-русскому церковному пѣнію есть выработанное въ Россіи музыкальное письмо. Не входя въ обсужденіе вопроса о первоначальномъ происхожденіи нашего пѣнія, ибо скудныя данныя выясняютъ весьма немногое, слѣдуетъ однако признать, что теоретическая сторона этого пѣнія и его письма сохраняетъ явные слѣды греческаго вліянія; практическая же, въ видѣ постепеннаго развитія напѣвовъ и сообразно тому ихъ знаменной нотации, сложилась исключительно въ Россіи и есть безцѣнное наше кровное достояніе.

Греческія и сходныя съ ними болгарскія знамена, доннынѣ употребляемая, не имѣютъ въ начертаніяхъ сходства ни съ послѣднимъ развитіемъ нашей знаменной системы, ни съ древнѣйшимъ ея изложеніемъ ²⁾. Немногія знамена святые П. И. Севастьяновымъ съ Есфигменскаго ирмолога XII вѣка ³⁾, встрѣчающіяся въ древне-знаменномъ и въ кондакарномъ изложеніяхъ, указываютъ однако нѣкоторое совпаденіе начертаній знаменъ, но добиться ихъ значенія, или доказать тождественность ихъ исполненія пока нѣтъ возможности. Такое совпаденіе начертаній нѣкоторыхъ знаменъ, въ связи съ *одинаковыми названіями* другихъ знаменъ, хотя и смутно, но все же указываетъ на греческое *первоначальное* построеніе знаменнаго письма въ

¹⁾ См. «Теорія и практика церковнаго пѣнія» Д. В. Разумовскаго, Москва, 1886' (л. 50). Тамъ же снимки съ подписей указываемыхъ шести лицъ.

²⁾ См. разныя азбуки греческаго пѣнія и сборники; также напр. «Гледало ради славяно-болгарската пѣнѣ новонапечатана псалтика, за оулесненіе на псалтиколюбцыте Болгаре, които желаятъ да ся научатъ совершенно и лесно». Въ Букурещъ, 1848. См. также образцы, приложенныя на оберткѣ въ соч. Разумовскаго «Теорія и практика ц. пѣнія». Также см. сербскія знамена напр. въ «Црквенско пѣванье» (Бѣлградъ, 1885).

³⁾ Относительно знаменъ Есфигменскаго ирмолога однако я думаю, что не представляетъ ли этотъ памятникъ сборникъ греческихъ напѣвовъ, изложенныхъ нашими кроками, или не подведены ли наши напѣвы и нашими же знаменами подъ греческій текстъ? Чѣмъ именно можно объяснить наличность только единственнаго памятника съ подобнымъ изложеніемъ? Впрочемъ, я не видалъ этого ирмолога.

Россіи, и, можетъ быть, на преимущественное употребленіе греческихъ напѣвовъ въ древнѣйшее время.

Митрополитъ Макарій, (Исторія Р. Церкви, томъ I, л. 70; ср. также у Разумовскаго: Церковное пѣніе въ Россіи, л. 155 и 156), склоняется болѣе къ мысли, что первыя пѣвчія книги въ Россіи были южнославянскія. Не дерзая оспаривать это заключеніе, полагаю сущность вопроса въ музыкальномъ происхожденіи напѣвовъ, и потому смѣю поставить на видъ такіа соображенія:

Едва ли возможно допустить, чтобы южнославянскія церкви имѣли къ X вѣку самостоятельно развитое *родное* церковное пѣніе въ томъ большомъ объемѣ, какой безусловно необходимъ для православнаго Богослуженія. Съ другой стороны слѣдуетъ придать значеніе указаніямъ о первыхъ въ Россіи пѣвцахъ-грекахъ и о весьма распространенномъ въ то время въ Россіи пѣніи на греческомъ языкѣ. Указанія Степенной Книги, (приписываемыя греку, митр. Кипріану, XV в.) упоминаютъ о прибытіи *грековъ-пѣвцовъ* въ 1051 г., утвердившихъ „изрядное осмогласіе“¹⁾. Пѣніе русскихъ на греческій манеръ, со всякими „красногласіями“²⁾, едва ли могло удовлетворять русскихъ слушателей и пѣвцовъ, ибо „кратиматы“, „териремы“, а также „исоны“, „анаграматизмы“, равно какъ и другія особенности греческаго пѣнія не утвердились въ Россіи. При всемъ этомъ, конечно, нѣтъ основанія вполнѣ отрицать возможность какого бы ни было славянскаго вліянія.

Особенности древнѣйшаго знаменнаго русскаго письма, имѣющаго связь съ неразгаданнымъ еще кондарнымъ, или кондакарнымъ, совершенно не имѣющимъ сходства съ греческими знаменами³⁾, суть, несомнѣнно, самостоятельное русское изобрѣтеніе, въ которое вошли и уцѣлѣли лишь въ самой незначительной части немногія иноземныя частности. „Ни одинъ природный грекъ“, говоритъ Д. В. Разумовскій,—знатокъ греческаго пѣнія, (Ц. II. въ Р. л. 155), „не рѣшится признать знаменный роспѣвъ за пѣніе своей отечественной церкви; сличеніе греческаго и знаменнаго роспѣва также указываетъ только на различіе ихъ“. Я могу прибавить къ этому, что сличеніе знаменнаго роспѣва напр. съ болгарскимъ, съ сербскимъ роспѣвами также убѣждаетъ только въ ихъ различіи какъ въ знаменахъ, такъ особенно въ голосоведеніи. Если теоретическое построеніе этого древне-русскаго зна-

¹⁾ См. «Руководство къ русской церковной исторіи» П. Знаменскаго, Казань 1886 г. л. 33, 97; см. также Разум. «Церковное пѣніе» въ Р. л. 96—104.

²⁾ См. у Рязскаго: «О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія» Правосл. Обзорѣніе, 1866, № 9—11.

³⁾ См. рефератъ Д. В. Разумовскаго (л. 15 и 16), въ трудахъ Археологическаго съѣзда 1871 г. въ Москвѣ: — «Въ Греціи—въ настоящее время также нѣтъ кондакарей; нѣтъ и нотъ, сходныхъ съ нашими кондакарными нотами. Положительное удостовѣреніе этому представляетъ богатое собраніе фотографическихъ снимковъ съ нотныхъ книгъ Афонскихъ монастырей, сдѣланное нашимъ извѣстнымъ археологомъ-путешественникомъ П. И. Севастьяновымъ и украшающее нынѣ Имп. Публ. Библіотеку. Въ семъ собраніи снимки съ нотныхъ греческихъ рукописей не имѣютъ ничего похожаго на наши кондакари». О кондакарномъ знамени см. также у Разумовскаго: «Церковное пѣніе» въ Р. л. 111—113; у Ундольскаго—въ Читеніяхъ Общества Исторіи и древностей Россіи, 1846, № 3; у Арх. Макарія—въ Запискахъ Имп. Археол. Об—ва 1857, томъ X, л. 194—206.

менного пѣнія, какъ напр. раздѣленіе на гласы, аналогичныя съ греческими гласами, употребленіе „подобновъ“, раздѣленіе на строки и усвоеніе нѣкоторыхъ названій знаменъ поспѣтъ, конечно, печать греческаго вліянія и науки, то мелодическое развитіе напѣвовъ и развитіе знаменной системы, несомнѣнно, русскаго происхожденія. Последнее доказывается совершенною цѣлостью главныхъ частей всѣхъ истинно русскихъ напѣвовъ и ихъ знаменнаго изложенія, несмотря на прошедшія столѣтія и безпрестанныя измѣненія и усовершенствованія частностей.

Въ Воскресенскомъ Ирмологѣ XII—XIII в., (см. первые отдѣлы въ приложенныхъ здѣсь таблицахъ), я насчиталъ кромѣ оныхъ до 86 пѣвчихъ знаменъ, изъ которыхъ до 35—необъяснимы, такъ какъ они вышли изъ употребленія до XV вѣка; съ помощью же остальныхъ знаменъ, хотя и съ трудомъ, можно прочитать напѣвы этого памятника, заключающаго въ себѣ, безъ всякаго сомнѣнія, въ первообразномъ видѣ знаменныя роспѣвъ, донынѣ употребляемый. Изъ необъяснимыхъ и другихъ употребительныхъ до сихъ поръ знаменъ я встрѣтилъ ихъ добрую четверть въ пѣснопѣніяхъ кондакарей Московской Синодальной типографіи и Св. Троицкой Лавры. Такое совпаденіе знаменъ, можетъ быть, имѣющихъ иное значеніе въ кондакарномъ пѣніи ¹⁾, однако привело меня къ мысли: не есть ли знаменная нотация часть кондакарнаго знамени, выдѣленная для пѣснопѣній болѣе скорого роспѣва и безъ привагокъ къ тексту, вродѣ „хивуи, хавуа, охохо“ и т. п.? Впѣшній составъ 3-хъ строкъ въ книгахъ кондакарнаго знамени,—(текста, знаменъ и указательныхъ буквъ), раздѣлительныя указанія между строкъ и добавки къ тексту вполне напоминаютъ технику греческихъ и болгарскихъ пѣвчихъ книгъ. Внутреннее содержаніе кондакарныхъ книгъ—пока загадка.

Пѣвчія книги съ XV вѣка заключаютъ въ себѣ сполна всю систематизированную, но еще не вполне развитую азбуку знаменнаго пѣнія, до нынѣ употребляемую, и не содержатъ въ себѣ необъяснимыхъ знаменъ, встрѣчающихся въ болѣе древнихъ памятникахъ, въ томъ числѣ и въ Воскресенскомъ Ирмологѣ. Отсюда выходитъ возможность читать достаточно свободно пѣвчія книги съ XV вѣка и наблюдать въ изложеніяхъ послѣдующихъ столѣтій только развитіе частностей и литургическихъ особенностей, ибо въ наибольшей своей части наше церковное пѣніе сохранило съ XV вѣка вполне точно и исправно. Такой внезапный переходъ отъ первоначальной знаменной системы къ достаточно развитой и законченной, затѣмъ забвеніе къ тому же кондакарнаго знамени нынѣ представляется слѣдствіемъ какого-либо сильнаго переворота въ нашемъ церковномъ пѣніи, сходнаго съ бывшимъ во второй половинѣ XVII вѣка и, вѣроятно, имѣвшаго мѣсто въ XIV в., — бывшаго вродѣ исправленія пѣвчихъ книгъ, дополненія и развитія ихъ содержанія. Предположеніе это подтверждается и словами Мезенца, указывающими, что „знамя учинено и списано и прозвано прежними славенороссійскими пѣснорачигели и знаменотворцы до настоящаго времени, (XVII в.), за четыре ста лѣтъ и вѣще“ (л. 6).

Развитіе собственно русскаго творчества начинается весьма рано. Мы знаемъ, что первымъ русскимъ угодникамъ были составлены службы уже въ Россіи, напр.

¹⁾ Подобная перемѣна значенія однихъ и тѣхъ же знаменъ встрѣчается много разъ въ демественномъ пѣніи; позднѣе на этомъ же основаніи было выдуманно такъ наз. «Казанское знамя».

св. Борису и Глѣбу. Греческій элементъ съ теченіемъ времени все болѣе слабѣетъ въ русскомъ пѣніи, русское же творчество постепенно дѣлаетъ большіе успѣхи. Въ XVI в. являются знаменитые пѣвцы — учителя. Продолжаю словами рукописи: („Москвитянинъ“, 1846 г. № 6, л. 173—174) „мы грѣшніи—отъ нѣкоихъ слышахомъ про старыхъ мастеровъ: *Теодора*, по прозвищу *Христіанина*, что былъ здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ славенъ и пѣти гораздъ знаменному пѣнію; мнози отъ него научишася и знамя его доднесъ славно; и отъ его ученикъ слышали, которые съ нами знахуся, что де онъ, Христіанинъ, сказывалъ своимъ ученикамъ, что въ великомъ Новѣ-градѣ были старые мастера *Савва Роговъ*, да братъ его *Василій*, во иноцѣхъ *Варлаамъ*, родомъ Карелянинъ, и послѣ де того Варлаамъ бѣ митрополитомъ во градѣ Ростовѣ;—былъ мужъ благовѣинъ и мудръ зѣло, пѣти былъ гораздъ знаменному и троестрочному и демественному пѣнію;—былъ роспѣвщикъ и творецъ. И у того брата его, у Саввы, были ученики вышереченный попъ *Христіанинъ*, да *Иванъ Носъ*, да *Стефанъ*, слылъ *Голышъ*. И тотъ Иванъ Носъ, да Христіанинъ были въ царство бл. ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. р. и были у него съ нимъ въ слободѣ Александровѣ. А Стефанъ Голышъ тутъ не былъ, ходилъ по градамъ и училъ Усольскую страну, и у Строгоновыхъ училъ *Ивана*, прозвище *Лукошко*, а во иноцѣхъ былъ *Исаія*. И мастеръ его Стефанъ Голышъ много знаменнаго пѣнія роспѣлъ; а послѣ него ученикъ Исаія, тотъ вельми знаменнаго пѣнія распространилъ и наполнилъ. Отъ тѣхъ-же Христіаниновыхъ учениковъ слышахомъ, что де онъ имъ сказывалъ про стихеры Евачгельскія: нѣкто де во Твери дьяконъ бѣ зѣло мудръ и благовѣинъ, тотъ де роспѣлъ стихеры Евачгельскія; а псалтырь роспѣта во великомъ Новѣ-градѣ, нѣкто былъ инокъ именитъ *Маркелъ*, слылъ *Безбородой*; онъ же сложилъ канонъ Никитѣ, архіепископу Новгородскому, вельми изящепъ. А тріоди роспѣлъ и изьяснилъ Иванъ Носъ; онъ же роспѣлъ крестобогородичны и богородичны минейныя (ср. „О хомовомъ пѣніи“ л. 21, 22).

Текстъ книги XV вѣка уже носитъ въ себѣ всѣ начатки *раздѣльнорѣчій*, или *хомоній* ¹⁾, развившейся въ первой половинѣ XVII вѣка до крайности. Древнѣйшес *истиннорѣчье* ²⁾ отличается продолженіемъ напѣва надъ буквами *з* и *ь* и знаменнымъ надъ ними означеніемъ. Мы можемъ судить только предположительно о вѣроятномъ произхожденіи этихъ буквъ, приводимыхъ въ изложеніи пѣвчихъ рукописей до XV вѣка. Общее наблюденіе показываетъ однако, что ритмическія ударенія напѣва, особенно наиболѣе сильныя изъ нихъ, никогда не приходятся на эти звуки, донныѣ считаемыя за легкіе, полугласныя. Скажемъ кстати, что еще донныѣ, вслѣдствіе орфографической комбинаціи звуковъ, мы измѣняемъ свою рѣчь или кратко, или полногласно, даже при наличности буквъ *з* и *ь* на концѣ словъ по нынѣшнему правописанію.

¹⁾ *Хомоніей* называется объясняемое ниже раздѣльнорѣчіе пѣвчихъ текстовъ; названіе это произошло отъ частаго употребленія окончанія „*хомо*“, вмѣсто „*хомъ*“ напр. „сѣдохомо“ вмѣсто „сѣдохомъ“ и т. п.

²⁾ Ср. напр. всѣ снимки изъ Воскресенскаго ирмолога въ приложенныхъ здѣсь таблицахъ, снимки 39 ирмосовъ при изданіи мною описаніи этой рукописи, снимки изъ Стихираря 1152 г. Московской Синодальной Б—ки и—XIV в. изъ Стихираря Румянцевскаго музея (въ предисловіи къ «Кругу» изд. О. А. Д. П.). Послѣдніе два снимка, (изъ коихъ первый въ уменьшенномъ видѣ), помѣщены также на л. 43 и 45 соч. Д. В. Разумовскаго: «Теорія и практика церковнаго пѣнія».

Наблюдая за развитіемъ полногласія, или хомоніи, въ текстахъ нашихъ бого-служебныхъ рукописей съ XV вѣка, слѣдуетъ признать, что замѣна буквы *ѣ* буквою *о* и буквы *ь* буквою *е* отнюдь не можетъ считаться механическою, но должна быть объяснена постепеннымъ перерожденіемъ формъ русскаго произношенія и сообразнымъ тому правописаніемъ. Наблюденія въ этомъ направленіи указываютъ, что напр. слова, писавшіяся прежде безъ *ѣ* въ концѣ (*из, воз, без*, и т. п.), при началѣ раздѣльнорѣчія стали писаться въ пѣвчихъ книгахъ также, или съ *ѣ*, но безъ пѣвчаго знамени надъ нимъ; глагольныя формы въ соединеніи ихъ съ предлогами при началѣ словъ также избѣгли хомоніи; то же замѣчается иногда въ творительномъ падежѣ существительныхъ средняго рода съ окончаніемъ на *емь*; глагольныя формы, кончавшіяся на *ѣ*, но безъ ритмическаго на нихъ ударенія въ напѣвѣ также не писались съ замѣною буквы *ѣ* буквою *о*; при наличности даже легкаго ударенія полу-гласныя буквы всегда замѣняются гласными, почему постоянно можно встрѣтить напр. *дньсь, деньсь, дньсе, дньсе*.

Другою причиною такого правописанія было желаніе яснѣе сохранить напѣвъ и его знаменное изложеніе. Это было указано еще ин. Ефросиномъ, (1657 г.), при обличеніи имъ хомового пѣнія ¹⁾: „священныя рѣчи до конца развращены противу печатныхъ, письменныхъ, древнихъ и новыхъ книгъ: книги харатейныя писанныя, и по нихъ было *пшто такоже, якоже глаголемъ—на рѣчь*, а не якоже нынѣ многое обрѣтается,—индѣ рѣчи неприличныя послѣдующему разуму приложены, а во иныхъ мѣстѣхъ нуждѣйшая глаголанія разуму отъяты и всякія глаголы буквами лишними перетоманы, и словенскаго нашего языка, въ немъ же родихомся и священному писанію учихомся, чужи, несвойственны и сопротивны“. „Пѣніемъ нашимъ точію гласъ украшаемъ и знаменныя кроки бережемъ, а священныя рѣчи развращены“. Этотъ рѣзкій отзывъ долженъ быть признанъ одною справедливымъ, ибо съ продленіемъ времени пѣвчій русскій выговоръ, какъ то явствуетъ изъ многочисленныхъ памятниковъ, все болѣе и болѣе отдалялся отъ правописанія читаемыхъ церковныхъ книгъ, дѣлаясь болѣе полногласнымъ. Кромѣ того, коренная особенность русскаго пѣнія,—созданіе подголосковъ ²⁾, повлекла за собою мало по малу постоянное употребленіе гласныхъ буквъ, даже иногда тамъ гдѣ имъ и быть не слѣдовало. Отъ такой перемѣны правописанія и словопроизношенія роспѣваемыхъ богослужебныхъ текстовъ получилась именно „гладь“, текучесть, раздѣльнорѣчіе. Это измѣненіе было нетерпимо въ чтеніи, въ разговорѣ, но въ то же время весьма допустимо въ пѣвческомъ исполненіи, если при этомъ не страдалъ ритмъ пѣснопѣнія, т. е. если ритмическія ударенія въ напѣвѣ совпадали съ удареніями въ словахъ текста. Послѣднее обстоятельство однако не было, да и не могло быть долго и строго выдержано въ русскомъ пѣніи, ибо, приближаясь по выговору отъ буквъ *ѣ* и *ь* къ буквамъ *о* и *е* и постепенно замѣняя однѣ другими, русскіе пѣвцы мало по малу утратили краткость ихъ произношенія и пришли къ равному произношенію звуковъ существенно разныхъ ритмически: *о, е* (т. е. бывшія *ѣ* и *ь*) и *о, е*—гласныя подлинныя. Такимъ обра-

¹⁾ См. Церковное пѣніе въ Р. л. 75 и 76.

²⁾ Русскіе пѣвцы до сихъ поръ раздѣляютъ слоги текста, напр. въ пѣсняхъ, не нарушая однако ритма и скорости движенія; до сихъ поръ постоянно можно слышать удвоеніе слоговъ съ помощью полногласія, вставку лишнихъ, односложныхъ словъ.

зомъ напр. *Соласо* (съпасъ), пропѣтое съ бѣглыми о на первомъ и третьемъ слогахъ какъ бы не нарушаетъ произношенія, даже отбѣняетъ каждый отдѣльный слогъ реченія, что представляется въ пѣніи особенно удобнымъ. Тоже самое „Соласо“ пропѣтое „равно“, или „гладью“ есть сущій вздоръ, невозможный текстъ для пѣнія, такъ какъ въ немъ не соблюдены ритмическія ударенія, почему и текстъ и напѣвъ представляются обезличенными. Такое обезличеніе текста произошло сначала отъ желанія точно сохранить и исполнить знаменное изложеніе напѣва, (какъ то указано Ефросинюмъ), а затѣмъ, вѣроятно, еще отъ свойствъ русскаго языка удерживать въ пѣніи гласное произношеніе ж и к въ разныхъ мѣстахъ словъ одного происхожденія, смотря по его формѣ грамматической и звуковому соотношенію къ предыдущей, или послѣдующей рѣчи. До сихъ поръ мы говоримъ: денька, денегъ, весь день, в-сего д-ня; от-переть, отопри; с-крыть—сокрытъ въ—во; подь—подо; съ—со; в-здохнуть,—воздухъ; человекотъ (т. е. человекъ-тъ, или тотъ) и т. п.

Но нельзя не указать въ пѣвчихъ рукописяхъ на выдержанность текста и отсутствіе въ немъ раздѣльнорѣчія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оно, по старому правописанію съ ж, или к, должно бы быть непремѣнно. Ни разу мнѣ удалось встрѣтить напр. „весемирную славу“ ибо точно сохраненный напѣвъ этого Богородична недопускаетъ никакого растяженія надъ слогомъ *ве*. Точно также напр. начало величаній „величаемъ Ти“, или „Васъ“ никогда не встрѣчается въ видѣ „величаемо“, „Васо“ хотя такія же формы при иномъ расположеніи напѣва и ритмическихъ удареній поются раздѣльнорѣчно, напр. „воіємо Ти“, (см. величаніе на Благовѣщеніе); напр. даже во второй половинѣ XVI вѣка, когда хомонія значительно усилилась, мы видимъ отсутствіе раздѣльнорѣчія на мѣстахъ напѣва безъ удареній. Въ стихирахъ св. Митроп. Петру, творенія царя Іоанна Грознаго, (на 21 декабря), въ 1-й стихирѣ читаемъ: „плотью *ѿ* роуси соуца, и духов-но *ѿ*-сѣмъ достигающа“, а далѣе: „иже *ѿ*-сѣмо скорбною оутѣшителея“; во 2-й стихирѣ примѣръ еще нагляднѣе: „рѣку многихъ чудесо“, въ 3-й стихирѣ: „днв-наго *ѿ* чудесехъ—весе́мо подавающа“¹⁾.

Вѣроятноже всего, что измѣнившееся произношеніе заставляло пѣвцовъ конца XVI и начала XVII в. особенно настаивать на полногласіи распѣваемыхъ текстовъ, чтобы поддерживать традицію древняго произношенія. Сравнительное изслѣдованіе текстовъ и напѣвовъ надъ ними указываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже какъ бы умышленное введеніе полногласія тамъ, гдѣ ритмика напѣва недопускала, повидимому, растяженія мелодіи. Можетъ быть это и было измышленіемъ, переполнившимъ мѣру терпѣнія другихъ ревнителей церковнаго благолѣпія. Напр. указываю правописаніе текстовъ XII, XV и XVII вѣковъ: Вънми, вѣнми, вонми; Възглаголю, възглаголю, возглаголю; Из горы от, из горы отъ, изо горы ото; Отъкрылъ, отъкрыло, отокрыло; Възъпни, възопни, воопни; Въверже в море, въверже в море, воверже во море; Съявде, съянеце, солнцеце; Израиль, израиль, израиле; Съвъкоупься, съвъкоупься, совокупься и т. д.

¹⁾ См. Памятники др. письменности. Спб. 1886 г. изд. О. Л. Д. II. Въ рукописи № 769, (л. 106 об.), Соловецкой бібліотеки Каз. дух. академіи эти стихиры, (нѣсколько позднѣйшей редакціи), изложены съ большимъ раздѣльнорѣчіемъ; примѣры эти однако выдержаны и здѣсь, хотя и не вездѣ, напр.: «плотью *ѿ* роуси соуца, и доуховно *ѿ*сѣмъ достигающа», «днвнаго *ѿ* чудесеко *ѿ*сѣмъ подавающа».

Еще болѣе характерны случаи раздѣльнорѣчія, въ которыхъ вставка гласныхъ буквъ, или усѣченіе ихъ, никакимъ образомъ не могутъ быть оправданы древне-истиннорѣчнымъ правописаніемъ напр. Малиемъ,—маньем; прозябенісмъ—прозябеньем; поеть,—поет; въ образъ,—во образѣ; Иезекильмъ пророкомъ—Иезекилемо пророкомо и т. п.

Если дать вѣру нерушимости обычая, свято, догматично сохраняемаго, то слѣдуетъ не опускать изъ виду особенностей хомоваго пѣнія, донинѣ по вѣковому преданію сохраняемаго у безпоповцевъ. Должно замѣтить при этомъ, что пѣвчія книги этого согласія до сихъ поръ сохраняютъ письмо знаменъ безъ признаковъ, съ текстомъ „на онѣ“, съ наибольшимъ развитіемъ хомоніи. Слышавшіе пѣніе безпоповцевъ, роспѣвающихъ „по хомоніямъ“, усердно удержавшихъ воплѣ всякія „хебуве“ и „аненайки“, (хотя и привявшихъ киноварныя помѣты съ названіями *умъ, ре, ми, фа, соль, ля*, отнюдь несвойственными точнымъ указаніямъ помѣты Шайдурова и тѣмъ паче древнему пѣнію, да еще хомовому), безъ сомнѣнія, были поражены особенностями выговора текста пѣснопѣній. Звукъ э, для котораго даже нѣтъ буквы въ церковно-славянской азбукѣ, выговаривается этими пѣвцами особенно твердо; онъ одинаково замѣняетъ у нихъ буквы є, ѣ и бывшій ѣ; не различается при этомъ ни удареніе въ словѣ, ни та, или другая сила, твердость, или мягкость звука; буквы д и т произносятся также умышленно кратко и твердо; буквы же ц и особенно л (передъ о) произносятся смягченно. Посему слышится произношеніе вродѣ напр.: „дэнэсэ, богородысэ, видэлѣ“ и т. п. Я даже затрудняюсь передать отгѣнки такого произношенія русскими буквами. Если подобное произношеніе сходно съ бывшимъ во время всеобщаго стремленія въ XVII вѣкѣ исправить пѣвчіе тексты, то разумность и единодушіе къ переходу на истиннорѣчіе нисколько не удивительны.

Наиболѣе существеннымъ недостаткомъ хомоваго пѣнія представлялась безразличность удареній въ словахъ, или даже ихъ неправильность. Извѣстно рѣзкое столкновеніе знаменитаго Логгина, троицкаго головщика, съ Архим. Діонисіемъ изъ за роспѣва „Аврааму и сѣмени его даже до вѣка“¹⁾. Отъ излишняго полногласія и растяженія напѣва надъ гласными безъ удареній происходило то, что 1) или словамъ могъ быть приданъ иной смыслъ по ихъ буквенному сходству, 2) или—иной смыслъ въ видѣ перемѣнившейся грамматической формы, 3) или, наконецъ, получалась совершенная безсмыслица. Напр.: 1) сѣмени—сѣмені; дѹшу—душѹ; буди—буді; не бѣ—лѣбо; П родо(ъ)—Продѣ; пойте—пойге и т. п. 2) весе = весь, все; есте = есте, есть; миро = муро, мѣрь, Продіа бѣситесе = бѣсит(ъ)ся; облачите = облачить; высоко = высокъ; вознесло есте = вознеслъ есть и т. п. 3) монѣ (мнѣ), доци (дци), возято (взять), сопасо (спасъ), водало (вдалъ), вонуко, вонуче (внукъ, внуче), зерако (зракъ), сонемо Ангело (сонмъ Ангелъ), сонемо Юсифе (снемъ Юсифъ) и т. п.²⁾. Такихъ примѣровъ, конечно, можно привести множество. Чѣмъ далѣе заходила разность

¹⁾ См. подробности у П. В. Знаменскаго «Руководство къ рус. церковной исторіи» л. 229; у Крестомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ», т. I, вып. III, л. 710.

²⁾ Подобные примѣры и преинтересную старообрядческую полемику о хомовомъ пѣніи можно найти въ Труд. Кіевской дух. академіи, 1876, т. I, л. 162—199; подробности же въ книжкѣ «О хомовомъ пѣніи», (Псковъ, въ Славянской типографіи, 1879).

между произношеніемъ читаемыхъ и роспѣваемыхъ текстовъ, тѣмъ болѣе возмущалось сердце истинныхъ ревнителей церковнаго благолѣпія, весьма разумно возражавшихъ, что „единъ бо естъ Богъ, слушаая пѣнія и чтенія; ибо аще по онымъ нарѣчіямъ годнѣйше Богу пѣти, то треба ли годнѣйше такъ и читати?“.

Подобныя возраженія начались еще съ XVI вѣка и сопровождались одиночными попытками исправленія „на рѣчь“ пѣвчихъ книгъ. Извѣстный Аввакумъ пишетъ слѣдующее по этому поводу: „нарѣчное пѣніе я самъ до мору, (т. е. чумы въ 1654—55 г.), на Москвѣ живучи, видѣлъ. Переводъ писанъ при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ, и обиходъ и прочее. Я по немъ самъ пѣлъ у Казанскіе многожды. Оттолѣ и доднесъ пою единогласно и на рѣчь, яко праведно, яко по писанію“.— „При царѣ Иванѣ грамматы изданы о единогласномъ пѣніи и нарѣчные ермосы видѣлъ своима очима, старобытныя, тогда же писаны“¹⁾. Такія одиночныя попытки продолжались и послѣ. По свидѣтельству о. Разумовскаго, такіе справщики, по крайнему разумѣнію своему, исправляли въ книгахъ то одно, то другое, то съ одного, то съ другаго списка, какой находили, или признавали вѣрнымъ, правильнымъ. Болѣе опытные въ различеніи истины обращались въ этомъ случаѣ къ подлинникамъ, старымъ, пергаменнымъ рукописямъ. Въ пѣвчихъ книгахъ, относящихся ко временамъ царя Михаила Феодоровича, перѣдко можно встрѣтить замѣчанія: „до тѣхъ мѣстъ справила“, и надписи надъ пѣснопѣніемъ: „на рѣчь“²⁾.

Дальнѣйшее самовольное исправленіе пѣвчихъ книгъ осложнилось официальными исправленіями самихъ текстовъ пѣснопѣній. Если пѣвцы пробовали переводить „на рѣчь“, уничтожать хомонію, то такое исправленіе дѣлалось не болѣе какъ механически, т. е. текстъ писался по читаемому выговору, а напѣвъ по ритмическимъ удареніямъ подгонялся къ удареніямъ въ словахъ. Такимъ образомъ получался хорошій текстъ и сохранялся напѣвъ. Вскорѣ однако оказалось новое затрудненіе. Исправленія текстовъ въ напечатанныхъ изданіяхъ богослужебныхъ книгъ вызвали надобность примѣненія напѣва къ иному слово-и слогорасположенію, — появилась надобность измѣнить движеніе напѣва, сообразно логическимъ удареніямъ текста. Исправленія, бывшія при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ, повидимому, касались только читаемыхъ текстовъ; сами эти патріархи, какъ и патр. Никонъ, въ первые годы своего управленія, вѣроятно, поставили цѣлью издать наилучше-исправленные книги, но не коснулись примѣненія новоисправленныхъ текстовъ къ роспѣву и къ приведенію пѣвчихъ книгъ въ единообразіе. Дѣла было, кажется, очень много и безъ пѣнія. Даже такой крупный и всѣми признанный недостатокъ, какъ хомонія пѣвчихъ книгъ, несмотря на одиночныя самовольныя попытки справщиковъ-любителей, не обратилъ на себя вниманіе патріарховъ Филарета и Іосифа. Кромѣ того пѣніе церковное страдало тогда еще другими недостатками:—небреженіемъ, торопливостью, исполненіемъ въ одно и тоже время разныхъ пѣснопѣній,—допускавшемся на 2, 3 и болѣе голосовъ. Последній недостатокъ былъ замѣченъ еще на Стоглавомъ соборѣ и, не смотря на запрещеніе, не искоренился, но даже усилился. Патріархъ Іоасафъ I даже далъ, (14 августа 1636 г.), „память“, въ которой при-

¹⁾ «Братское слово» 1875 г. кн. 4 л. 291—292.

²⁾ Разумовскій: Ц. пѣніе въ Р: л. 77.

казывалось чтобы „пѣніе въ церкви *говорить* голоса въ два, а по нуждѣ въ три“¹⁾. Понятно, что такіе недостатки пѣнія и его неблагочипіе въ наступившее время улучшеній и исправленій не могли далѣе оставаться. Они были рѣзко осуждены окружною увѣщательною царскою грамотою, изданною по совѣту патріарха Іосифа. На соборѣ 1654 г. вопросъ объ исправленіи пѣвчихъ книгъ, какъ въ ихъ текстовомъ изложеніи, такъ и въ отношеніи правильности роспѣвовъ и улучшенія знаменной системы, былъ поставленъ прямо. Отвѣтомъ на него было учрежденіе комиссіи изъ 14 „дидакаловъ“, мастеровъ церковнаго пѣнія (см. Азбуку л. 1).

Сношенія Россіи съ Польшею, вліяніе Кіевскихъ ученыхъ, примѣръ высшихъ классовъ повернули русское пѣніе въ совсѣмъ иную сторону; рѣшающее значеніе этого поворота въ церк. пѣніи состоитъ въ перемѣнѣ русскими пѣвцами своего мнѣнія о знаменахъ и въ переходѣ къ пѣнію по пятилинейнымъ нотамъ. Замѣна знаменнаго письма, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе труднаго для изученія, чѣмъ система линейныхъ нотъ, повела за собою шаткость знанія частныхъ напѣва и основаній его построенія. Такимъ образомъ русскіе пѣвцы, отлично пѣвшіе по знаменамъ и отдавшіе предпочтеніе линейнымъ нотамъ по ихъ легкости и вразумительности для *знающаго знамена*, легкомысленно утвердили новую систему, не подозрѣвая того, что отсутствіе связи между напѣвомъ и его нотаціею убьетъ самое знаніе пѣнія. Слѣдующее поколѣніе пѣвцовъ уже не знало знаменной нотаціи въ совершенствѣ и, подкупаемое легкостью исполненія по нотамъ, затруднялось овладѣть вполнѣ знаменною нотаціею. Дальнѣйшее поколѣніе уже совсѣмъ не знало знаменъ и начало легкомысленно пренебрегать самими древними напѣвами, ибо было увлечено новымъ, еще неслыханнымъ въ Россіи музыкальнымъ искусствомъ, „премудрѣйшимъ художествомъ“.

Новое „музикійское художество“ было пѣніе партесное, которымъ распѣвались тексты богослужебные и „вирши“, „псалмы“, „канцерты“ и т. п. Даровитость русскихъ пѣвцовъ и здѣсь немедленно заявила себя во всей силѣ сочиненіемъ цѣлой массы произведеній по кіевскимъ и польскимъ образцамъ. Съ такою музыкаю, отложившею на задній планъ древнее однополосное *свободное* пѣніе, дающее полный просторъ вдохновенному пѣвцу, появилась первая гармонизація древне-русскаго знаменнаго пѣнія, изложеннаго нотами на 4 голоса. Пѣніе это было въ свое время далеко несовершенно²⁾, но въ настоящее время оно поистинѣ замѣчательно и поучительно. Такъ какъ въ ухахъ русскихъ церковныхъ пѣвцовъ того времени знаменный роспѣвъ былъ еще весьма твердъ, то „музикійскіе преискуснѣйшіе творцы“ весьма естественно обратили на него свое вниманіе, какъ на самый удобный матеріалъ для гармонизаціи извѣстными всѣмъ имъ *подголосками*. Съ этой точки зрѣнія новая форма изложенія древняго пѣнія заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія и изуче-

¹⁾ Митр. Макарій: Исторія рус. церкви, томъ XI, л. 83—84.

²⁾ Современники, противившіеся новому пѣнію, возражали, что въ немъ „подоболѣннаго гласу нѣсть, нѣсь и чину“; что оно, „шумъ и звукъ издающее, токмо несвѣдущимъ благо мнится, свѣдущимъ же неисправно положено бити разумѣтея“. Болѣе упрямые противники упирали на то, что „въ партесномъ многоусугубленіи“ исполненіе совершается „съ движеніемъ всея плоти, съ покиваніемъ главы, съ помаваніемъ рукъ“, и „съ висканіями безчипными“.

ніа, ибо нигдѣ „отечественный контрапунктъ“ не высказанъ столь подробно и многосторонне. Конечно, въ массѣ „композицій“ того времени найдется много совершенно несообразныхъ гармоническихъ сочетаній и голосоведеній, допущенныхъ и тогда для вящаго впечатлѣнія; такъ наз. „эксцеллендовапіе“, (*excellenter canere*). теперь даже едва ли исполнимо по трудности басовой партіи, состоявшей сплошь изъ быстрыхъ и трудныхъ пассажей, но это не уменьшаетъ научной важности первой гармонизаціи знаменнаго распѣва и ея серьезности. Какъ кажется, это есть единственно хорошее изъ всей музыкальной волны, нахлынувшей тогда на русское пѣніе.

Была однако и другая, печальная сторона этого направленія, заявившаго о себѣ сначала чрезмѣрною развязностью и подражаніемъ всему иноземному, а затѣмъ уже какъ бы отреченіемъ отъ всего русскаго.

Достаточно выразительнымъ памятникомъ этого новаго художества представляется стихотворная псалтирь іеромонаха Симеона Полоцкаго (1680 г.), переложенная на музыку „чрезъ композицію, сирѣчь твореніе“ пѣвчимъ діаконъ Василиемъ Титовымъ ¹⁾. Не говоря о литературномъ достоинствѣ труда С. Полоцкаго и о глубинѣ музыкальныхъ мыслей Титова, я полагаю необходимымъ указать собственныя мысли С. Полоцкаго изъ предисловія его псалтири, какъ изложеніе достаточно говорящее объ увлеченіи „полскимъ художествомъ“. Дубовые, силлабическіе стихи, безцеремонность обращенія съ священнымъ текстомъ и крайняя самоувѣренность С. Полоцкаго, конечно, должны быть отнесены только къ нему ²⁾; почва-же, на которой могла родиться и осуществиться съ успѣхомъ самая мысль о псалтири такого рода, а послѣ того развиться въ стремленіе всячески отвергнуться отъ родного—русскаго и легкомысленно осмѣять его,—въ желаніе введенія иноземнаго и ослабленія русскаго и во всеобщее въ высшихъ сферахъ сочувствіе этому направленію—все это достаточно поучительная страница въ божественной жизни нашихъ высшихъ классовъ,—перемѣнившихъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ костюмы польскіе, нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе и, наконецъ, возвращающихся опять къ русскому. Даровитость русскаго племени, способность примѣниться ко всякому вкусу и міросозерцанію блестящимъ образомъ доказывается произведеніями русскаго искусства этихъ временъ. Не отрицая добраго, принесеннаго этимъ умственнымъ движеніемъ, все-же приходится сожалѣть о глубокомъ неуваженіи, выказанномъ напр. древнему пѣнію, „подлымъ“ пѣснямъ и т. п. Нынѣшнее возвращеніе къ родному искусству, конечно, есть отраднѣйшее послѣдствіе вѣковаго блужданія между чужимъ — иностраннымъ.

¹⁾ См. рукопись № 800 Соловецкой библиотекы Каз. дух. академіи; см. рефератъ Д. В. Разумовскаго на Арх. съѣздѣ 1871 г. въ Москвѣ: «Государевы пѣвчіе дѣяніи XVIII вѣка» л. 172.

²⁾ Привожу для примѣра начало 50-го псалма:

„Помилуй мя Боже по твоей милости,
По множеству щедротъ сотри неправости
Отъ беззаконія изволи омыти
Отъ грѣха моего мене очистити“ и т. д.

Псаломъ 109-й начинается напр. такимъ образомъ:

„Рече Господь моему Господеву слово:
Сѣди одесну мене, мѣсто Ти готово“ (?!).

М. И. Глинка, уже знаменитый и на старости лѣтъ начавшій изученіе древне-рускаго церковнаго пѣнія, показалъ самую вѣрную дорогу.

Псалтирь Полоцкаго посвящена „тишайшему“ царю Θεодору Алексѣевичу. Сочиненіе это написано по такому поводу: С. Полоцкій писалъ свое 4-е сочиненіе „Вергъ многоцвѣтный“; продолжаю его словами: „сей оубо рвомически, по чину алфавита славенскаго діалекта. И внигда ми достигнути писмене џ, впаде во умъ псалмы покаянныя преложити стихотворнѣ“. — „Вина есть, яко на эллинстѣмъ, на латинстѣмъ языцѣхъ прилучимися псалтирь стихотворно преведенную видѣти: видѣхъ и на прискрнемъ нашему славенскому языку діалектѣ полскомъ книги печатныя, псалтирь стихотворно преложенную содержащя, не точію во странахъ полскихъ, но и въ царствующемъ градѣ Москвѣ обносимыя. Поревновахъ оубо, да и на нашемъ языцѣ славенстѣмъ понѣ въ нашихъ странахъ російскихъ обрѣтается“. — „Паче-же во велицѣй Россіи, въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, возлюбилне сладкое и согласное пѣніе полскія псалтири стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти, рѣчей оубо или мало, или ничтоже знающе и точію о сладости оувеселяющесе духовнѣ“. — „Не всякаго оубо псалма полскаго пѣнію тогожде числа славенскій подложениемъ знаменій можетъ соотвѣтствовать, яко не вся тѣмъ-же преведохъ родомъ стиховнымъ, ово за трудность превожденія, ово яко не всѣхъ ми псалмовъ полскихъ гласы суть извѣстны. Обаче во ицѣхъ псалмѣхъ по тому роду преведенныхъ, мощно есть желаемое подложити пѣніе“. — „Держахся словесъ псалтирныхъ всячески и разума толкованія приличнаго. Се же не яко то неподобающее есть, но снисходя обычаю рода и страны: да не рекутъ противно быти правдѣ. Ниже да оудивилися тому, читателю благочестивый, яко пѣкая словеса и цѣлыя стихи обрицени приданыя, сія бо суть во исполненіе разума, или стиховъ. А идѣже нѣкая реченія отъяшася,—та за нужду, яко не вмѣстисшася въ стихи мѣрою“. Предисловіе къ Псалтири предупреждаетъ „благочестиваго читателя“: „не слушай буйхъ и ненаказанныхъ, въ тмѣ невѣжества злобою связанныхъ, имже обычай все то обхуждати, его же Господь не даде имъ знати“, а послѣсловіе „къ гаждателю“ предупреждаетъ критику стихотвореніемъ: „Хулникъ стиховъ Омирихъ нѣкто Зоилъ баше“ и пр.

Музыка къ подобному сочиненію положена на три голоса и не имѣетъ въ себѣ ничего русскаго ни по напѣвамъ, ни по построенію. Занимающіеся изученіемъ церковнаго пѣнія этой эпохи, конечно, были удивлены массою подобныхъ произведеній „полскаго художества“, на изуродованномъ языкѣ, съ изысканно-вычурною безсодержательностью и развязнымъ „эксцеллентованіемъ“ голосовъ. Увлеченіе было такъ сильно, что даже внѣшность церковныхъ пѣвцовъ, прежде бородатыхъ и одѣтыхъ въ полукафтаны, была измѣнена переодѣваньемъ ихъ въ польскую одежду съ закинутыми назадъ разрѣзными рукавами.

Понятно, что о сохраненіи древняго церковнаго пѣнія въ это время не могло быть рѣчи. Предпринятое-было печатное изданіе крюковыхъ нотъ, несмотря на заготовленные для того матрицы и пунсоны, остановилось и было забыто въ такой степени, что позднѣе въ Московской Синод. типографіи даже не могли рѣшить вопроса: годны ли тѣ матрицы и пунсоны, въ полномъ ли они необходимомъ числѣ? Связь съ прошедшимъ роднымъ была совершенно потеряна. ¹⁾

¹⁾ Безсоновъ: «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ» Правосл. обозрѣніе 1864, т. XIV л. 31.

Мезенецъ какъ бы предвидѣлъ эти печальныя послѣдствія и потому особенно настаивалъ на пѣннн по крюкамъ. Конечно, въ настоящее время нельзя и думать о введеннн вновь пѣннн по крюкамъ, ибо нельзя же вычеркнуть изъ исторнн два столѣтнн. Кромѣ трудности крюковой нотачнн и совершенной отчужденности ся внутреннихъ основаннн отъ принятыхъ нынѣ законовъ гармоннн и голосоведеннн, нельзя не принять во вниманнн и дѣйствительныя послѣдннн успѣхн русскаго пѣннн, вполне заслуживающнн уваженнн. Но время господства иноземныхъ вкусовъ и законовъ въ русскомъ искусствѣ, повидимому, прошло и замѣнн его наступило стремленнн къ тщательной разработкѣ основаннн родного искусства, догадка объ огромномъ его содержаннн и убѣжденнн въ необходимости, такъ сказать, неизбежности его изученнн. Древннн церковныя напѣвы заключаютъ въ себѣ сполна всю сумму способовъ выраженнн музыкальныхъ идей самыхъ глубокихъ, серьезныхъ и въ формахъ самой совершенной красоты. Если народная мудрость, опытность, наблюдательность, остроумнн выразились въ пословицахъ, поговоркахъ; если народное мнросозерцаннн, уроки исторнн, глубокое чувство любви выразились въ народныхъ пѣсняхъ, полныхъ нѣжннннми выраженннми душевныхъ движеннн, а въ былинахъ, сказкахъ,—полныхъ фантастическихъ образовъ и юмора, то есть еще иной мнръ полного озареннн тайниковъ русской души,—мнръ серьезно-вдохновенный, возвышенно-музыкальный,—русское церковное пѣннн. Идеи этого мнра записаны точно, вѣрно и въ полномъ объемѣ. Глубокомысленный Кн. В. Ѳ. Одоевскнн вѣрно замѣтилъ, сказавъ, что ни у одного народа Европы нѣтъ такого записаннаго сокровища. Нужно ли прибавлять, что предвидится отъ изученнн древняго пѣннн въ его подлинномъ видѣ нашими передовыми „пѣннорачители“ и „знаменотворцы“? Уже одни труды о. Д. В. Разумовскаго и Ю. К. Арнольда даютъ понятнн о предѣлахъ, вновь открывающихся особенностяхъ и значеннн самостоятельнаго направленнн русскаго музыкальнаго искусства, а опыты въ этомъ направленнн и усиливающннся успѣхн русскихъ передовыхъ музыкантовъ подають самыя отдаленныя надежды.

Для будущаго русскаго музыкальнаго искусства знаменное пѣннн есть нестоимый и, къ сожалѣннн, едвали не только археологическнн материалъ, открывающнн свои достоинства и увлекающнн изслѣдователя лишь по мѣрѣ изученнн памятниковъ. Въ нашъ нервный вѣкъ, выражающннся въ музыкѣ бѣдностью вымысла, напускнымъ одушевленннмъ, придумыванннмъ разнообразнн формъ, голосоведеннн и диссоннрующнхъ гармоннн, исканннмъ новыхъ средствъ выраженнн,—въ нашъ вѣкъ давно пора вернуться къ богатому, старинному, спокойному духомъ наслѣдству. Изученнн послѣдняго, при научныхъ и исполнительныхъ средствахъ настоящаго времени, конечно, создасть въ Росснн тотъ „собственный музыкальный мнръ“, въ которомъ найдетъ удовлетвореннн слухъ каждаго русскаго музыканта. Не намъ, русскнмъ, слѣдуетъ искать образцовъ писемъ въ „церковныхъ ладахъ“ у Палестрины, Орландо-Лассо, Аллегри и др. знаменитыхъ мастеровъ, хотя и великихъ, дивно-вдохновенныхъ, но чуждыхъ намъ по вѣрѣ, духу, крови и времени. Богатѣйшая звуковая способность нашихъ ладовъ, усугубляемая *указываемымъ* въ нихъ голосоведенннмъ и развитннмъ напѣвовъ, очевидна при изслѣдованнн древне-церковныхъ напѣвовъ и ясно указываетъ сущность и направленнн предстоящихъ работъ. Если эти напѣвы будутъ названы первобытною формою русскаго искусства, а нотачнн знаменъ и „странная куча“ ихъ названнн — грамотою, выродившеюся схоластически, то такое

заявленіе можетъ быть только, по словамъ Мезенца, „отъ ненаученія и крайняго невѣждества“. Впрочемъ время и кровь, безъ сомнѣнія, возьмутъ свое.

Съ другой стороны нельзя не желать усвоенія знаменной нотации хотя бы преподавателями церковнаго пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Учрежденіе особой кафедры въ Духовныхъ Академіяхъ обезпечило бы желательное образованіе такихъ преподавателей и придало бы желаемый смыслъ изученію церковныхъ напѣвовъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Слова Бортнянскаго, (см. выше л. 27), что поющій древнее пѣніе только по нотамъ „различія гласовъ, напѣвовъ и мѣста мелодіи долго не познаетъ,... едвали хорошіе знатоки просольруютъ что нибудь, а если и сдѣлаютъ это исправно, то механически только“,—имѣютъ глубокое значеніе для преподавателя древне-русскаго церковнаго пѣнія. Не знающій знаменнаго изложенія не въ состояніи понять частности художественнаго строенія древне-русскихъ напѣвовъ и должные отгѣнки ихъ исполненія, а это не даетъ возможности объяснить ихъ выдающіяся достоинства учащимся; тоже самое препятствуетъ учителю довести исполненіе напѣвовъ до высокой степени совершенства. Музыкальное содержаніе напѣвовъ само по себѣ весьма глубоко, просто, а потому легко доступно для художественнаго развитія и приложенія способностей пѣвца къ созданію свободныхъ подголосковъ. Духъ напѣвовъ, ихъ возвышенно-поэтическое настроеніе и красота формъ, конечно, не могутъ быть изъяснены учащимся, если самъ преподаватель не знаетъ, не чувствуетъ и не можетъ объяснить главныя, чисто русскія особенности своего предмета.

